

СТЕЛЛА МИЛТОНОВНА СЕВАНДЕР

преподаватель кафедры языковых исследований, Университет Умео (Умео, Швеция)
stella.sevander@ryska.umu.se

Рец. на кн.: Alexey Golubev and Irina Takala. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s (В поисках социалистического Эльдорадо: Финская иммиграция в Советскую Карелию из США и Канады в 1930-е гг.). Michigan State University Press, 2014. 236 с.

Мой интерес к рецензируемой монографии отчасти сугубо личный. Я отношусь к потомкам народа, истории которого посвящена данная монография, и являюсь дочерью Мейми Севандер, которая не только оставила мемуары о жизни своей семьи, но и, не будучи профессиональным историком, провела сотни часов в архивах Карелии в поисках ответов на вопросы о трагических судьбах исчезнувших в Карелии отца, его соратников и многих своих друзей. Ее работу я называла «кровь, пот и слезы», нетрудно представить, какого накала достигали ее чувства и эмоции, когда она держала в руках дела невинно убиенных близких и друзей. Я родилась и выросла там, где развиваются основные события, описанные в книге, к счастью, не в самый кровавый из описанных в книге периодов, а в послевоенное время, полное надежд и веры. Я жила среди этих людей, любила их и часто в детстве задавала вопрос: «Почему вы сюда приехали?» Тех, кто мог ответить на этот вопрос, в живых уже не было, а родителей, которые были подростками при отъезде из США, когда принималось решение, никто не спрашивал. Многие упомянутые в книге участники истории – мои близкие или друзья, как и авторы исторических трудов и мемуаров по обе стороны Атлантики.

Появления монографии карельских историков Алексея Голубева и Ирины Такалы ждали долго, но появилась она не раньше и не позже, а именно тогда, когда пришло ее время. На пути к данной монографии можно выделить несколько этапов: долгая и профессиональная работа авторов в архивах Карелии и Финляндии, их собственные многочисленные научные публикации, труды их коллег – историков России, Финляндии, США, Канады, а также их участие в двух крупных исследовательских проектах: «Missing in Karelia: Canadian Victims of Stalin's Purges» («Пропавшие в Карелии: канадские жертвы сталинских репрессий») и «Североамериканские финны в Советской Карелии в 1920–1950-е годы». Следует отметить, что подступ к изучению этой темы был сделан самими участниками истории, представителями молодого поколения иммигрантов-североамериканцев, в форме мемуаров, оставленных писем, а также записанных в разные периоды с ними и их потомками интервью. Эти рассказы из первых рук о судьбах отдельных се-

мей представляют собой фрагменты, из которых складывается история их народа.

Нетрудно представить, насколько разнообразны по своему содержанию и форме использованные источники и насколько обширна библиография. Данный труд стал первым научным изданием, посвященным столь малоизвестной странице нашей общей истории, общей для Финляндии, России и Североамериканского континента. Если выразиться современным языком, общей частью нашей глобальной истории, театром действия которой в данном исследовании становится Советская Карелия. Первые два десятилетия существования СССР были отмечены новым для Советского государства явлением – переселением десятков тысяч людей в СССР по идеологическим причинам. Их привлекала идея справедливого социалистического общества, в которую они искренне верили и были готовы внести свой посильный вклад в его создание. Самой крупной группой иммигрантов в Карелии были финны, иммиграция которых из Финляндии началась после драматических событий Гражданской войны уже в 1918 году. Красные финны вместе с Москвой вынашивали планы создания в Карелии образцовой социалистической республики, которая стала бы плацдармом будущей мировой революции и смогла бы вовлечь в этот процесс соседнюю Финляндию и Скандинавию (С. 13). Позже к иммигрантам из Финляндии примкнула группа североамериканских финнов, основная волна иммиграции которых в Советскую Карелию пришлось на период 1931–1932 годов и завершилась в 1934 году. Для старшего поколения этой группы это уже была вторая эмиграция, младшее поколение были уроженцами США и Канады. Она составила, по подсчетам исследователей, от 6 000 до 6 500 человек, более вероятной является вторая цифра (С. 44), это третья часть всей финской диаспоры, проживающей на территории Карелии (1935 год). Многочисленные архивные источники и база данных, созданная в ходе проекта «Пропавшие в Карелии», дополняют эти данные: 3098 человек (58 %) были переселенцами из США и 2211 (42 %) – из Канады. Авторами дается четкая иллюстрация этих данных в форме графиков: как были представлены штаты, из которых прибыли переселенцы, и соотношение

прибывших из США и Канады иммигрантов по годам (С. 46–47).

Первые североамериканцы появились на российском севере недалеко от Кандалакши еще в 1922 году, где начала работать бригада рыбаков из США, а тремя годами позже канадские сельскохозяйственные рабочие создали в Олонецком районе свою коммуны «Säde». В это же время Эдвард Гюллинг, в 1920 году ставший руководителем Карельской Трудовой Коммуны, предпринимает со своей стороны все усилия, чтобы получить добро Москвы на вербовку рабочей силы из США и Канады. Переговоры Карелии с Москвой долго не давали положительного результата. Ситуация изменилась в положительную сторону лишь после состоявшегося летом 1930 года XVI съезда ВКП(б), который легализовал новую политику партии на приглашение высококвалифицированной рабочей силы в СССР (С. 18–22). Первая группа финнов-лесорубов прибыла в Карелию из Канады уже осенью этого года. К сожалению, имеющиеся в распоряжении исследователей источники приводят разные цифры по количеству переселенцев этой группы. Данные расходятся: от шестнадцати до пятидесяти человек. Исследователям удалось идентифицировать имена двадцати одного человека, вошедшего в состав этой группы (С. 24).

Без структур, занимающихся осуществлением переселенческой политики на самом американском континенте, было не обойтись. Авторы рассказывают, как функционировали сначала созданный в 1921 году в США Комитет помощи Советской Карелии, возглавляемый Юрьё Халаненом и ответственным за финансовую деятельность Матти Тенхуненом, а позже Комитет технической помощи Советской Карелии, существующий с 1 мая 1931 года под руководством сначала Калле Аронена, а позже до 1934 года возглавляемого Оскаром Корганом (С. 27–31). В Канаде аналогичной структурой руководил Джон Латва. Первоочередной задачей этих комитетов была вербовка рабочей силы, но не менее важным было приобретение техники, оборудования. Источников финансирования было несколько: добровольные дотации американских граждан, отчисления пароходных компаний, занимающихся перевозкой переселенцев через Атлантику, и денежные взносы самих переселенцев. Кроме того, переселенцы сами приобретали оборудование на личные средства, что позволяло им ввозить его беспошлинно, а позже реализовать через Переселенческое управление. По подсчетам исследователей, вклад североамериканцев в народное хозяйство Карелии составил к 1935 году в цифровом выражении 1 200 000 руб. В действительности же с учетом реального курса валюты и высокой стоимости технического оборудования, как предполагают авторы, он был в два или три раза больше. Для сравнения исследователи при-

водят следующие данные: основные капиталовложения в промышленность Карелии в бюджете 1931 года составили 5 687 000 руб., а в целом бюджет народного хозяйства Карелии составил 18 417 000 руб. (С. 30). Трое из вышеназванных руководителей: М. Тенхунен, К. Аронен и О. Корган – были арестованы и расстреляны во времена сталинских репрессий.

В чем были причины эмиграции из США и Канады, или, как ее называют, «Карельской лихорадки», 1930-х годов? Мнения исследователей, ранее занимающихся изучением этого вопроса, расходятся: признавая множество мотивов, одни делают упор на экономические причины (экономическая депрессия в США), другие подчеркивают особую значимость коммунистической пропаганды, проводимой финноязычной левой прессой и вербовщиками, еще более усилившей раскол финноязычной диаспоры на Американском континенте, и целый ряд других причин. До недавнего времени основными источниками для изучения истории иммиграции были лишь газетные публикации, мемуары и интервью с реэмигрантами в Финляндии и Северной Америке. Этим объясняется тот факт, что во многих публикациях на эту тему подход историков к «Карельской лихорадке» делался с позиции финской диаспоры Северной Америки. Недостаток эмпирического материала мешал рассмотрению вопроса иммиграции финнов из Северной Америки в Карелию как части трансатлантической истории (С. 31–35). Ответ на вопрос, кто же были эти люди, решившиеся во второй раз так круто изменить свою судьбу и отдавшие все до последнего цента, чтобы переехать в СССР (С. 36), дается на принципиально иной основе: использованы документы Центрального архива Карелии, сведенные в единую базу данных по 5 557 иммигрантам; информация Переселенческого управления; документы партии и органов безопасности и др. В этом существенное отличие данного исторического труда от предыдущих трудов, в том числе и крупных имен, к примеру, финляндского историка Р. Керо.

Небольшая по объему (С. 109–120) седьмая глава, в которой описаны сложности и проблемы кросс-культурной коммуникации, несет большую смысловую нагрузку. Блестяще владея материалом разнообразных официальных источников, включая отчеты ОГПУ и НКВД, а также частными источниками, исследователи прослеживают, как образ Финляндии и финнов менялся в Советской Карелии. К 1935 году, когда Красное правительство Гюллинга было отстранено от власти, Финляндия приобрела образ враждебного государства. В преддверии большой волны иммиграции из Северной Америки в прессе Карелии был создан положительный образ североамериканцев, готовых помочь в строительстве социалистического государства.

Но избежать конфликта с местным населением было невозможно. Он был заложен в самой идеи иммиграции в СССР: американцы ехали в страну, где уже были воплощены социалистические идеалы – равенство, отсутствие безработицы, а увидели полуголодный народ и нищету. Сами переселенцы при этом оказались в привилегированной группе: особое снабжение продуктами питания, освобождение от налогов и другие льготы. Все это не могло не вызывать зависть и неприязнь местного населения. С учетом существования огромного барьера в языке и культуре, конфликт между местным русскоязычным населением и североамериканцами был неизбежен, и в этом нередко была вина самих переселенцев. Адаптироваться переселенцам в таких условиях было сложно, скорее наоборот, начинается их самоизоляция. Вместе с нарастанием конфликта, отмечают авторы, происходит трансформация идентичности переселенцев, социалистические идеалы уходят на второй план, уступая место чувству этнической принадлежности и культуры (С. 118).

В четвертой главе (С. 51–68) исследователи четко обозначают причины провала иммиграционной политики в Карелии. Каждая из этих причин подтверждается историческими документами, живым материалом писем и цитированием мемуаров. Первые столкновения с властями и советской бюрократией начинались нередко уже при пересечении границы, когда советская таможня производила противозаконную конфискацию ввозимых иммигрантами товаров. Советский быт: полное отсутствие жилищных условий, должного питания, антисанитария в местах общественного питания, нехватка медицинского обслуживания – приводил переселенцев в шоковое состояние и заставлял браться за решение этих проблем. Так, к примеру, в Петрозаводске появился американский городок (фотография на с. 61–62). Свободный труд в социалистической стране не приносил им удовлетворения. Нередко они сталкивались с полным пренебрежением трудовой морали как рабочими, так и руководством на местах, что, в свою очередь, часто вело к конфликтам с администрацией. Нередко иммигрантов обвиняли в несоблюдении рабочей дисциплины и нежелании признавать авторитеты. Полное отсутствие культурной жизни еще больше усугубляло и без того мрачную картину. Причин у американских и канадских переселенцев покинуть Карелию было более чем достаточно. Многие сделали это. Почему большинство осталось? На этот вопрос ответить сложнее, чем понять причины их иммиграции в СССР. К такому заключению приходят исследователи, приводя целый ряд доводов (С. 68–69).

В пятой главе (С. 69–87) рассказывается о вкладе североамериканских рабочих в совет-

скую экономику. Североамериканцы с уже приобретенным опытом работы в Америке были востребованы такими крупными организациями, как Кареллес, Стройобъединение, Карелтранс, большинство рабочих на лыжной фабрике в Петрозаводске были переселенцами, они также принимали активное участие в строительстве бумагоделательного комбината в Кондопоге. Многочисленная группа иммигрантов работала в лесной промышленности: к осени 1932 года уже 1 049 североамериканцев работали в системе Кареллеса. Производительность труда американцев значительно превышала производительность местных рабочих: средний показатель рубки для американцев составлял 8,5 м³, в то время как местные рабочие не превышали в среднем 4,4 м³ (С. 71). Привезенные ими новые, более совершенные орудия труда, новые круглогодично используемые технологии вывозки древесины, а также более четкая организация труда стали значительным вкладом в народное хозяйство республики. Рабочие-переселенцы были готовы делиться своим опытом с местным населением, поэтому активно участвовали в профессиональном обучении своих коллег. Примечательно, что авторы дают ссылку на большое количество учебно-методического материала в форме газетных статей и брошюр (С. 74). Всего три процента переселенцев работали в сельском хозяйстве Карелии. Вклад в эту отрасль иллюстрируется авторами историей сельскохозяйственной коммуны «Säde», деятельность которой началась в Олонецком районе в 1925 году с 14 000 долларов, собранных в Канаде, отчасти израсходованных на приобретение трактора и другого сельскохозяйственного оборудования для Карелии. В 1933 году «Säde» было признана лучшим животноводческим хозяйством Карелии (С. 84).

Шестую главу, в которой рассматривается вклад североамериканцев в культуру Карелии (С. 89–108), авторы начинают с краткого, выдержанного по структуре анализа несколько запутанной, связанной прежде всего с политической структурой языковой ситуации в республике в период 1920–1937 годов, соотнося ее со сталинским лозунгом «Культура должна быть социалистической по содержанию, но национальной по форме». Авторы останавливаются на деятельности Карельского отделения издательства «Кирья», многочисленные издания книг и журналов которого создали ему к 1934 году репутацию самого крупного нерусскоязычного издательства в СССР (С. 97). Авторы отдают дань памяти писателям-североамериканцам, удивительным способом вовлеченным в создание новой литературы социалистического реализма (С. 101). Четверо из упомянутых в тексте монографии писателей – Луото, Паррас, Мякеля и Раутанен – стали жертвами сталинских репрессий. Оста-

навливаясь на начальном периоде деятельности Национального театра Карелии, созданного в 1932 году, авторы делают интересное наблюдение о том, что благодаря театру его создатели (Кууно Севандер и Рагнар Нюстрём) так же, как и все участники труппы, осознают принадлежность к той социальной группе, из которой они происходят. Поэтому театр поддерживает их идентификацию в среде советской культуры (С. 103). Североамериканцы внесли немалый вклад и в музыкальную культуру Карелии. Основу репертуара ансамбля «Кантеле», созданного в 1939 году, составляли народные финские и карельские мелодии в обработке Карла Раутио. В состав коллектива вошли несколько артистов из североамериканцев: Сиркка Рикка, Кертту Вильянен, Элса Баландис. Одиннадцать из пятнадцати музыкантов состава вновь созданного симфонического оркестра были уроженцами Северо-Американского континента.

Американские и канадские финны во время Большого террора (С. 121–156) – самая тяжёлая для восприятия часть монографии. Остается только предположить, какой великомученический труд проделали авторы, работая с таким огромным количеством «кровавых» документов. Из 159 источников 80 – архивные документы, в основном из Национального архива Республики Карелия и Архива Федеральной службы государственной безопасности. В этой главе доминирует сухой язык цифр, на котором изложена трагическая статистика. Более 40 % жертв репрессий в Карелии составили финны, хотя они представляли всего 3 % населения. Авторы выделяют основные периоды Большого террора и останавливаются на всех государственной важности документах, принятых для осуществления этого страшного проекта в стране. «Охота на ведьм» началась в республике уже в 1935 году, когда были произведены первые аресты, и достигла своего апогея после пленума ЦК ВКП(б) в феврале – марте 1937 года, который открывает новый, полный драматизма период в истории репрессивной политики. Финская операция получила добро в соответствии с решениями пленума на уничтожение 1000 человек, 300 из которых попадали под первую категорию – расстрел. Чтобы создать четкую картину того, как репрессии отразились на североамериканцах, исследователи используют графики и таблицы, иллюстрирующие эту трагическую статистику: мужчин-американцев было репрессировано 28 %, каждый пятый; канадцев тоже 28 %. Самую многочисленную возрастную группу среди репрессированных американцев (42 %) составили мужчины в возрасте 40–45 лет, канадцев (50 %) – 30–40 лет. Молодые американцы в возрасте 18–19 лет были репрессированы почти все, канадцы – 11 человек (С. 144). В первый период реабилитации (1955–1965 годы) было реабили-

тировано 311 человек из североамериканцев (42 % от числа всех репрессированных). На второй, постперестроечный период реабилитации приходится 326 человек (44 %). Никаких данных по реабилитации 83 человек, составляющих 11 % от числа репрессированных, ученым на сегодняшний день разыскать не удалось. Авторы высказывают по этому поводу свои предположения. Среди репрессированных было много одиноких, без семей, у некоторых же семейных, погибших в тюрьмах и лагерях, семьи вымерли после страшных испытаний во времена террора и войны. Вести поиск исчезнувших было некому (С. 147). Свидетельство о смерти Оскара Коргана, которое авторы отобрали как важный исторический документ, показывает, насколько фальсифицированы были подобные документы. В версии 1953 года причина смерти – рак желудка. В версии 1991 года – расстрел. Место смерти не установлено. (Сегодня можно было бы получить третью версию с установленным местом расстрела – Сандармох – и точной датой расстрела.)

Последняя, завершающая монографию небольшая глава посвящена войне и послевоенным годам (С. 157–170). Здесь дополняются и корректируются данные, полученные в ходе исследований Э. Лахти-Аргутиной и М. Севандер: 34 человека погибли на фронте; 24 человека, попавшие в плен в Финляндии, казнены; по самым скромным подсчетам, 500 стали заключенными трудовых лагерей, 100 человек из которых, по последним данным исследований, умерли от голода, болезней и непосильного физического труда (С. 162–163). Осенью 1944 года после освобождения Советской Карелии североамериканцы начинают возвращаться туда. Для кого-то это возвращение затянулось на годы или даже десятилетие до смерти Сталина с последующим освобождением из лагерей ГУЛАГа. Так или иначе американские и канадские финны в конце концов возвращались в Советскую Карелию, где не суждено было сбыться их надеждам и где после всех испытаний Большого террора и Второй мировой войны они наконец-то обрели дом (С. 164).

Работа А. Голубева и И. Такалы – это свод знаний о североамериканских финнах в Советской Карелии. В ней присутствует большое количество таблиц, графиков, карт и фотографий. Книга читается с огромным интересом, написана четким лаконичным языком. Авторы идут по принципу от общего к частному: каждая из глав начинается с краткого экскурса в историю конкретного периода, продолжается описанием ситуации в Карелии, сопровождается рассказами о событиях через судьбы конкретных людей. При этом обращение исследователей к мемуарным первоисточникам, письмам и интервью представляется логичным и уместным. Книга как бы

оживает, авторы передают право голоса непосредственным действующим лицам самой истории, отчего захватывающие сюжеты, сочетаясь со строгостью научного исследования, никоим образом не нарушают ее.

Нет сомнения в том, что подобный труд мог быть написан только карельскими исследователями, ибо для этого необходимо сочетание нескольких важных составляющих: прекрасное владение исторической советской реальностью; доступность архивов; владение русским, финским и английским языками. Хорошо это или плохо, что он появился на английском, а не на русском языке? Хорошо, потому что это первое академическое издание, вышедшее на английском языке, по истории малоизвестного эпизода глобальной истории XX века, массовой иммиграции в Советский Союз из США и Канады. Остается надеяться, что книга увидит свет и на русском языке. Без нее история Карелии советского периода остается недосказанной и недописанной.

В качестве небольших замечаний или скорее пожеланий можно было бы отметить следующее. Во-первых, несколько зауженными кажутся заявленные хронологические рамки исследования: 1930-е годы, хотя первые коммуны североамериканских финнов в Карелии появились уже в 1920-е годы, о чем рассказывают авторы (С. 18–19). Но вполне понятно, что основной интерес исследователей приходится на 1930-е годы. Во-вторых, использованная мемуарная литература могла бы быть дополнена несколькими источниками, в том числе вышедшей в 2012 году книгой мемуаров Ирмы Купри под редакцией Р. Вир-

танен, изданной Миграционным институтом Финляндии. В индексе имен я не обнаружила, к сожалению, имени М. Киро, которого авторы неоднократно цитируют.

И наконец, о названии самой монографии «В поисках социалистического Эльдorado: Финская иммиграция в Советскую Карелию из США и Канады в 1930-е гг.». Хорошо звучащее, лаконичное, но несколько вводящее в заблуждение название. Не случайно в заключении авторы так подробно останавливаются на значимости и многосложности, которую они вкладывают в используемую метафору поиска: это и поиск справедливого социалистического устройства мира (для переселенцев); поиск новой региональной модели развития (для Красного финского правительства); поиск новых путей строительства социалистического государства (С. 171). Все цели были утопическими, недостижимыми, Эльдorado оказалось мифом, как исследователи доказали своим трудом, полным провалом завершилась многонациональная политика. Но, как мы видели, авторы не ограничиваются этим, а как историки пытаются понять и показать, что было создано людьми в иммиграции, какое общество они пытались построить в Карелии, ставшей в 1930-е годы зоной соприкосновения и соревновательности между западным и советским видением (пониманием) социополитического уклада (С. 173). В этом и есть новаторский характер труда А. Голубева и И. Такалы, ставшего значительным и достойным вкладом в современную историческую науку.

Поступила в редакцию 01.07.2014